

ОПАСЕНИЯ И СТРАХИ КАК ПРЕДИКТОРЫ ЭМИГРАЦИОННЫХ НАМЕРЕНИЙ СТУДЕНТОВ

Мурашенкова Н. В. (г. Смоленск, Россия),

Гриценко В. В., Ефременкова М. Н. (г. Москва, Россия)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00156 «Социально-психологическое пространство эмиграционных намерений молодежи: кросс-культурный анализ»

Эмиграция – это явление, характерное для различных стран. Можно сказать, что это закономерный процесс, отражающий особенности современного мира и человека, а также специфику современных миграционных потоков в целом. Однако, неконтролируемая, молодеющая, увеличивающаяся год от года эмиграция, проявляющаяся в условиях социально-экономической нестабильности общества, принимает масштабы бедствия, становится серьезной проблемой для будущего любой страны и требует рассмотрения в контексте проблем безопасности, причем как на макро-, так и на микроуровне (уровне личности).

Современная российская действительность подтверждает особую значимость проблемы сохранения человеческого капитала и ставит проблему эмиграции в разряд ведущих в политике безопасности страны. По официальной статистике [1] только в 2018 году из России эмигрировали 440831 человек, из которых более 41% – это лица в возрасте от 20 до 34 лет. При этом, вероятнее всего, реальная цифра значительно выше, так как официальная статистика не включает информацию о тех, кто переезжает за границу, но не снимается с регистрационного учета по месту жительства. В свою очередь большой процент эмигрировавшей молодежи вызывает особую обеспокоенность. Социологами в последние 4 года фиксируется тенденция роста эмиграционных настроений в среде молодых россиян [2]. Данная тенденция подтверждает необходимость и актуальность изучения эмиграционной активности российской молодежи, в

частности ее эмиграционных намерений, как компонента этапа планирования будущей эмиграции. В рамках изучения эмиграционной активности молодежи, в свою очередь, особого внимания требует анализ эмиграционных намерений студенчества, как специфической группы, отличающейся высоким образовательным уровнем, выраженной познавательной мотивацией, мобильностью, социальной активностью, сочетанием интеллектуальной и социальной зрелости [3].

Рассмотрение эмиграции в контексте проблемы безопасности на микроуровне (уровне личности) предполагает обращение к теме мотивации эмиграции. Психологи отмечают, что значимым фактором эмиграционного поведения вообще и формирования эмиграционных намерений в частности выступают опасения и страхи, ощущение небезопасности окружающей среды, высокий уровень тревоги, связанный с этим ощущением [4]. Актуализация страхов, увеличение их количества наблюдается как в периоды кризисного развития страны и общества, так и в кризисные (нормативные и ненормативные) периоды развития самой личности. В свою очередь, сопряженность, совпадение кризисных этапов на макро- и микроуровне может иметь кумулятивный эффект. В связи с этим изучение эмиграционной активности студенчества должно быть сопряжено с пониманием истоков мотивации потенциальной эмиграции, которыми являются не только сложная ситуация в стране, но и ситуация нормативного кризиса идентичности, в котором находятся многие студенты [5]. Данный кризис связан с периодом социального становления личности, формированием жизненных перспектив и планов, определением отношения к миру и своего места в нем, расширением ролевого репертуара, формированием идентичности и т.д.

Целью данного исследования стало выявление характера связи актуальных страхов и опасений современных студентов с их эмиграционными намерениями (на выборке студентов-смолян).

Выборку исследования составили студенты четырех крупнейших ВУЗов Смоленска: 255 человек от 17 до 24 лет, из них 136 девушек (53%) и 119

юношей (47%) (медиана и средний возраст - 19 лет). Распределение по уровню дохода на одного члена семьи: менее 2500 – 3,53% респондентов, 2500-7500 – 16,86%, 7501-15000 – 33,33%, 15001-25000 – 22,35%, 25001-40000 – 13,33%, 40001-60000 – 5,49%, 60001-80000 – 1,18%, 80001-100000 – 2,75% и более 100000 – 1,18%. Большинство студентов считают себя русскими (86,27%). Выбранная региональная принадлежность респондентов обусловлена географическим положением области и низкими показателями ее социально-экономического развития [6], как потенциальными факторами развития эмиграционных намерений у жителей.

Исследование проводилось в форме очного анонимного анкетирования. В анкету были включены вопросы/утверждения, выявляющие эмиграционные намерения и актуальные страхи и опасения студентов, а также вопросы для выявления социально-демографических параметров (пол, возраст, национальность, доход, место обучения).

Эмиграционные намерения рассматривались с позиции теории планируемого поведения А. Айзена [7]. По А. Айзену, намерение – это фактор готовности личности к определенному поведению. Чем сильнее намерение – тем больше вероятность того, что человек реализует поведение. Эмиграционные намерения оценивались с помощью 3 сформулированных вопросов/утверждений (α -Кронбаха=0,861) (табл. 1).

Таблица 1

Дескриптивные статистики эмиграционных намерений студентов

№	Переменные	Минимум	Максимум	Медиана	Среднее	Стандартное отклонение
A1	«Насколько вероятно, что Вы эмигрируете из России в течение пяти ближайших лет?» (от 1 – «абсолютно не согласен» до 6 – «абсолютно согласен»)	1,00	6,00	2,00	2,21	1,17
A2	«Я хотел(а) бы	1,00	6,00	3,00	2,98	1,57

	начать готовиться к эмиграции в течение ближайших пяти лет» (от 1 - «совершенно невероятно» до 6 - «очень вероятно»)					
A3	«Я собираюсь начать готовиться к эмиграции в течение ближайших пяти лет» (от 1 - «совершенно невероятно» до 6 - «очень вероятно»)	1,00	6,00	2,00	2,60	1,40

Для выявления актуальных страхов и опасений студентов были организованы 2 независимые фокус-группы. В результате обобщения полученных в ходе дискуссий данных сформулированы 13 переменных-утверждений, которые были включены в исследовательскую анкету (шкала от 1 – «абсолютно не согласен» до 6 – «абсолютно согласен») (табл. 2).

Таблица 2

Дескриптивные статистики опасений и страхов студентов

(опасения и страхи представлены в порядке убывания значимости по средним)

№	Переменные	Минимум	Максимум	Медиана	Среднее	Стандартное отклонение
B1	Я беспокоюсь о своем здоровье	1	6	4	4,07	1,41
B2	Я опасаюсь войны	1	6	4	3,88	1,66
B3	Я боюсь стать жертвой теракта	1	6	3	3,21	1,57
B4	Я понимаю, что не хочу думать о будущем	1	6	3	3,02	1,45
B5	Я боюсь, что у меня не сложится личная жизнь	1	6	3	2,92	1,50
B6	Я боюсь смерти	1	6	3	2,81	1,48
B7	Я думаю, что не обладаю внешней привлекательностью	1	6	3	2,80	1,44
B8	Я не уверен(а), что найду достойную работу в России	1	6	4	2,56	1,35

B9	Я не уверен(а), что смогу жить самостоятельно	1	6	2	2,47	1,32
B10	Я боюсь стать жертвой национализма	1	6	2	2,46	1,20
B11	Я не уверен(а), что смогу обеспечить материально свою семью	1	6	3	2,13	1,22
B12	Я не уверен(а), что выбрал профессию правильно	1	6	3	1,76	1,28
B13	Я не знаю, чего я хочу от жизни	1	6	3	1,67	1,24

Наиболее выраженными страхами в среде студенческой молодежи г. Смоленска (средние значения более 3-х) являются опасения относительно собственного здоровья, вероятности войны, страх стать жертвой теракта, а также опасения относительно собственного будущего, что выражено в сопротивлении и нежелании думать о нем. Наименьшая выраженность в студенческой среде характерна для опасений, связанных с осуществленным выбором профессии и текущим осознанием собственных жизненных целей и планов (средние значения менее 2-х). Условно срединное положение (средние значения от 2-х до 3-х) занимает страх смерти, страхи относительно устройства личной жизни, собственной внешности, успешного трудоустройства в России, приобретения самостоятельности, самодостаточности и независимости, в том числе и материальной. Выявлены половые различия в выраженности страхов в студенческой среде: страх смерти ($p=0,035$) и страх стать жертвой теракта ($p=0,000$) в большей степени характерны для девушек, нежели для юношей (двухвыборочный критерий Колмогорова-Смирнова).

Для оценки характера связи страхов и опасений студентов с эмиграционными намерениями использовался метод моделирования структурными уравнениями (SEM). В качестве зависимой переменной выступило эмиграционное намерение, которое моделировалось как латентный фактор, представленный тремя измеренными на выборке переменными. Предикторами в модели выступили 13 переменных, отражающих студенческие

опасения и страхи. При тестировании модели осуществлялся контроль социально-демографических переменных (возраст, пол, доход).

Построенная модель имеет хорошие индексы пригодности: $\chi^2=29,266$, $df=26$, $CMIN/DF=1,126$, $p=0,299$, $CFI=0,997$, $RMSEA=0,022$, $PCLOSE=0,899$. Все вопросы/утверждения, оценивающие эмиграционные намерения, входят в латентный конструкт со статистически значимыми нагрузками (рис.).

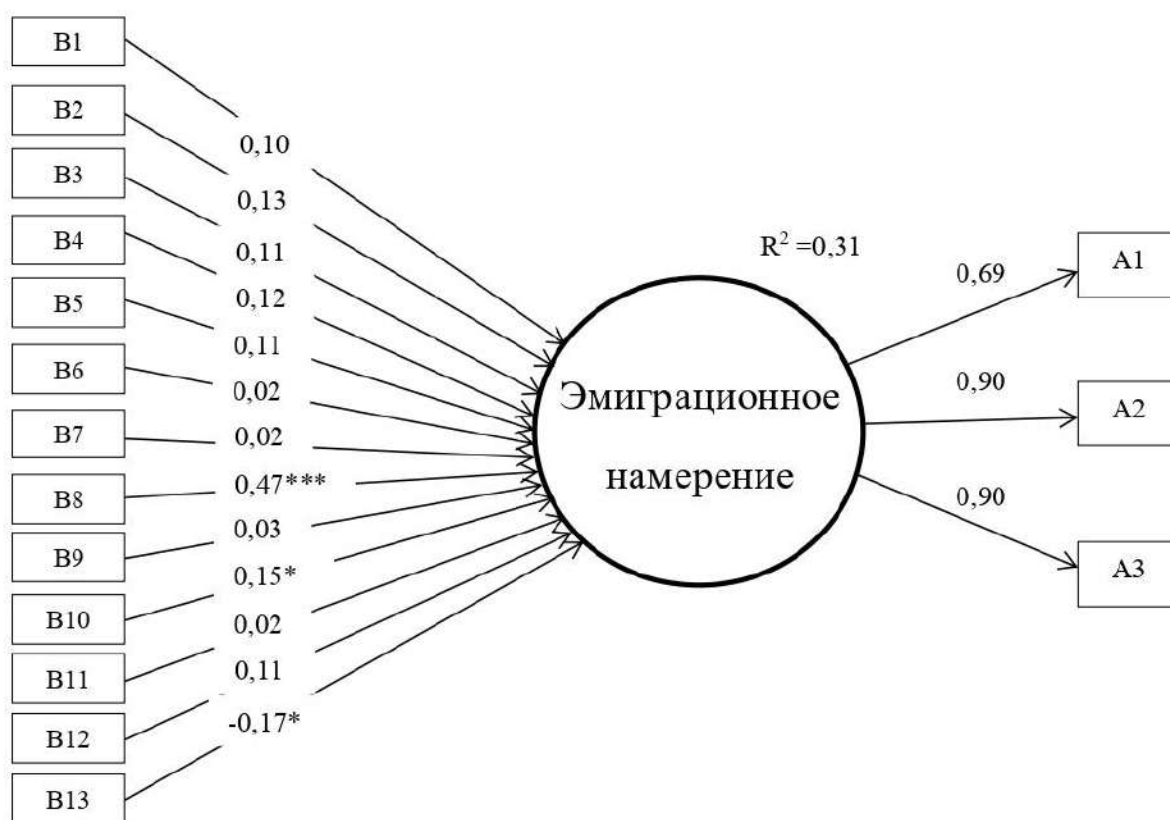

Рис. Модель связи опасений и страхов студентов с эмиграционными намерениями при контроле социально-демографических переменных (пол, возраст, уровень дохода): A1, A2, A3 – измеренные переменные эмиграционного намерения (табл.1), B1-B13 – страхи и опасения студентов (табл.2).

Из 13-и предполагаемых предикторов, включенных в модель, статистически значимые связи с эмиграционными намерениями имеют лишь 3.

Выявлено, что чем выше опасения студентов относительно возможности эффективного трудоустройства в России («не уверен(а), что найду хорошую работу в России» ($\beta=0,470$, $p=0,000$)), относительно вероятности расовой и этнической дискриминации («боюсь стать жертвой национализма» ($\beta=0,150$, $p=0,026$)), а также, чем больше понимания и уверенности в том, чего они хотят от жизни («не знаю, чего хочу от жизни» ($\beta=-0,170$, $p=0,012$)), тем выше их эмиграционные намерения.

Тот факт, что выборка преимущественно состоит из студентов, причисливших себя к русской национальности (86,27%), позволяет предположить, что обнаруженная положительная связь между эмиграционными намерениями и вероятностью расовой и этнической дискриминации («боюсь стать жертвой национализма» ($\beta=0,150$, $p=0,026$)) отражает скорее не конкретный индивидуальный страх респондентов с выраженными эмиграционными намерениями, а общую тревогу относительно небезопасности среды проживания, проявляющуюся, в том числе, и в представлениях о высокой вероятности проявления национализма в ней.

Таким образом, согласно полученным результатам, на эмиграцию скорее будут ориентированы студенты, не испытывающие затруднений с осознанием своих желаний, целей и намерений, но проявляющие опасения относительно возможности эффективного, благоприятного для себя трудоустройства в России, а также относительно небезопасности среды существования в стране, в частности в плане проявления расовой и этнической дискриминации.

Ограничением исследования являются особенности выборки и невозможность экстраполировать полученные результаты на всех российских студентов, в связи с чем, сделанные выводы имеют отношение лишь к студенческой молодежи смоленского региона.

Библиографический список:

1. Бюллетень «Численность и миграция населения Российской Федерации в 2018 году» (0,9 Мб) — выпуск 2019 г. (опубликовано 28.06.2019) [Электронный ресурс] // URL:

http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906 (дата обращения: 15.01.2020).

2. Гончаров С., Волков Д. Эмиграционные настроения (опубликовано 26.11.2019) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.levada.ru/2019/11/26/emigratsionnye-nastroeniya-4/> (дата обращения: 02.01.2020).

3. Шарипов Ф.В. Педагогика и психология высшей школы: учебное пособие. М.: Логос. 2012. 448 с.

4. Зинченко Ю.П., Зотова О.Ю. Эмиграционные намерения и безопасность личности // Национальный психологический журнал. 2013. №2 (10). С. 17–24.

5. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 86 с.

6. О социально-экономическом положении Смоленской области в январе-ноябре 2019 года. 2019: Доклад/Смоленскстат. – С., 2019. 51 с. [Электронный ресурс] // URL: https://sml.gks.ru/storage/mediabank/dokl_11sayt.pdf (дата обращения: 05.01.2020).

7. Ajzen I. The theory of planned behavior // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 1991. Vol. 50 (2). P. 179–211; Fishbein M., Ajzen I. *Predicting and changing behaviour: The reasoned action approach*. N.Y.: Psychology Press, 2010.